

СЛОВО ИЗ КАВЕНДИША

Третья - 1994. - 26 апр. - с. 6.
Интервью А. Солженицына американской телепрограмме «60 минут»

В ПРИБЛИЖЕНИИ отъезда на родину Александр Исаевич Солженицын дал интервью телепрограмме «60 минут», с которой по популярности не может сравниться ни одна другая познавательная-политическая передача. Корреспондент Майк Уоллас побывал в вермонтской усадьбе писателя, расположенной в лесной чащобе неподалеку от городка Кавендиш. В телерепортаже беседа с ним перемежается кадрами, где слова Александра Исаевича как бы дополняют его жена Наталья Дмитриевна, сыновья — Игнат и Степан. Рассказывается в общих чертах и о его трагической судьбе, забросившей семью Солженицыных в конце концов сюда, в штат Вермонт, где они провели последние 18 лет. И вот — близко прощание с Америкой. Майк Уоллас начал интервью таким вопросом:

— Вы говорили, что эти 18 лет в творческом отношении были для вас самым счастливым временем. Зачем же вы уезжаете?

— Потому, что родина — одна. А моя родина в очень трудном положении сегодня. Я надеюсь, что как-то смогу помочь. Народ — в отчаянии, он совершенно не понимает, что с ним происходит, у него нет никакой возможности влиять на власть,

а жизнь ухудшается день ото дня. Люди голодают, не могут купить себе одежду. Народ против всех этих реформ, но не может ни на что влиять. Да, в данный момент каждый, кто скажет, что он — против реформ, получит голоса. Так появился на нашей сцене Жириновский.

— Что вы можете сказать о нем? Кто он, почему он смог получить 25 процентов голосов?

— Это карикатура на русско-го националиста. Если бы кто-то захотел нарисовать карикатуру, сознательно изобразив русского националиста отвратительным, злобным, пугающим, — вот это и был бы Жириновский.

— То есть вы считаете его клоуном?

— Да, я не вижу для него большого будущего.

— Насколько хорошо вы знаете Соединенные Штаты?

— Совершенно очевидно, что у меня не было времени глубоко изучить жизнь Соединенных Штатов. Поэтому я не могу выносить суждения о ней.

— Но вы делали различные заявления о США, заставляющие думать: видимо, Солженицын знает достаточно об этой стране, чтобы ее критиковать.

— Я говорил в целом о Западе, а не только о Соединенных Штатах, говорил очень определенные вещи. Что Запад прояв-

ляет духовную слабость перед лицом коммунизма.

— То, что вы говорили о США, насколько мне известно, звучит так: вы становитесь аморальными, терпимыми, у вас слишком много порнографии, слишком много насилия, слишком много... Одним словом, вы катитесь по наклонной. А теперь все это происходит и в вашей любимой России.

— Я хочу поправить то, что вы сказали. Я не просто указал на распространение порнографии и прочем, я вообще говорил о падении высоких моральных стандартов, которые у вас были, об утрате религиозных устоев, существовавших в обществе в прошлые века. Что же касается России — это ужас. Положение еще хуже, чем было у вас. Те, кто торгует этой заразой, отравляют нашу молодежь, все население. Этот процесс в России развивается с катастрофической быстротой.

— Ваш друг Дэвид Рэмник написал о вас (в февральском номере еженедельника «Нью-Йоркер». — В. С.): В смысле влияния, которое он оказал на ход истории, Солженицын — доминирующий писатель нашего столетия. Кто сравним с ним? И тем не менее, когда его имя всплывает, чаще всего его сопровождают эпитеты «католический», «монархист», «антисе-

мит». «с причудами». «исчерпавший себя», одним словом, отнюдь не герой. Почему так происходит?

— Видите ли, западная печать работает следующим образом. Книг моих они не читают, никто никогда не привел ни одной цитаты из моих произведений в подтверждение этих обвинений, — ни одной! Но каждый новый журналист читает мнения других журналистов, берет готовое мнение у своих коллег. Американская печать была ко мне столь же недоброжелательна, как до этого советская печать. Американская печать была очень недовольна моим выступлением в Гарварде.

— Я думаю, это и был водораздел, с которого все началось — с речи в Гарварде.

(Здесь следует киноэкскурс в 1978 год, когда А. Солженицын, приглашенный выступить в Гарвардском университете, вместо ожидавшейся от него благодарности за гостеприимство, оказанное ему этой страной, и прославления ее свобод, обрушился с резкой критикой на многие стороны американского образа жизни.)

— Верно, картина была неожиданная. Но я думал, что, если советская власть не терпит критики, то на Западе ее приветствуют, скажут: давай, мы к тебе прислушаемся. И обнару-

жил, что американская печать так же нетерпима к критике, как и советская.

— Мы слышим, что в глубине души Солженицын — антисемит.

— Вот я определяю антисемитизм как несправедливое, предвзятое отношение ко всей еврейской нации. У меня нет проявлений антисемитизма ни в одной из моих книг, ни в одной из статей. Никто, предьявляя мне такое обвинение, ни разу не смог меня процитировать. Однако среди прочих обвинений — что я монархист, теократ, сторонник диктатуры и так далее — звучит и это — что я антисемит. Но никто, повторяю, ни разу не смог подтвердить это цитатой из моих произведений.

— Ваша жена и дети — американские граждане. А вы — нет. Почему?

— Ну я все эти годы жил без гражданства, потому что я не могу быть гражданином никакого другого государства, кроме России. Просто не могу. Многие русские эмигранты жили десятилетиями без паспорта, вне привязанности к какому-либо государству. Вот и я могу быть только гражданином России.

— В конце мая вы покидаете Соединенные Штаты. Что вы скажете на прощание этой стране, моей стране?

— Я вам скажу, что все эти годы, которые провел здесь, я

делал различие между правительством этой страны, ее прессой и простыми людьми. До прихода Рейгана правительство относилось ко мне в высшей степени враждебно. На официальных брифингах в государственном департаменте меня называли «фашистом». Можете себе представить — «фашистом»!

«Голос Америки» запретил русской программе передавать мою книгу «Архипелаг ГУЛАГ». Подумайте только — запретили передавать на Советский Союз, который потерял 60 миллионов жизней, книгу, из-за которой меня оттуда и выслали. «Архипелаг ГУЛАГ» нельзя было передавать по радио, потому что это могло испортить отношения с Советским Союзом. В общем, лишь когда президентом стал Рейган, отношение властей ко мне изменилось.

Возвращение в Россию для меня — не просто возвращение домой, это возвращение к ее просторам, ее раздолью. В первые месяцы, в первый год я буду много ездить по стране, встречаться с людьми как можно больше. Мой образ жизни будет совсем иным, нежели он был здесь, в Вермонте.

Интервью записал в обратном переводе с английского соб. корр. «Труда» Виссарион СИСНЁВ. ВАШИНГТОН.

26.4.94

114

Солженицын А. И.